

MANUSCRIPT:
КЛАСИЧНА СПАДЩИНА
І СУЧАСНИЙ ЛІТЕРАТУРНИЙ ПРОЦЕС

Заснований у 2015 році

Серія: філологія
Випуск: 2

Рік: 2016

Головний редактор: Ю. І. Ковбасенко, канд. філол. наук, проф.

Редакційна колегія:

О.В.Гальчук, д-р філол. наук, доцент (заст. голов.ред.)

В. І. Кузьменко, д-р філол. наук, проф.

О. С. Анненкова, д-р філол. наук, проф.

О. Є. Бондарева, д-р філол. наук, проф.

М. С. Васьків, д-р філол. наук, проф.

А. В. Градовський, д-р пед. наук, проф.

О. В. Єременко, д-р філол. наук, проф.

Г. Д. Клочек, д-р філол. наук, проф.

О. О. Корнієнко, д-р філол. наук, проф.

В. С. Корнійчук, д-р філол. наук, проф.

Г. С. Мазоха, д-р філол. наук, проф.

Т. В. Михед, д-р філол. наук, проф.

В. Ф. Погребенник, д-р філол. наук, проф.

Я. О. Поліщук, д-р філол. наук, проф.

Т. М. Потніцева, д-р філол. наук, проф.

О. В. Пронкевич, д-р філол. наук, проф.

Н. М. Торкут, д-р філол. наук, проф.

Г. М. Штонь, д-р філол. наук, проф.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ТВОРЧЕСТВЕН.В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается мифологизация «маленького человека» и созданные Гоголем мифы об этих героях. Исследуются гоголевские самозванцы (Ковалев, Хлестаков) и особенности их городского бытия. В гоголевском мифе о мечтателе («Невский проспект») обращается внимание на систему сновидений. В повести «Шинель» миф о переписчике можно рассматривать и как житие, и как один из вариантов «мифа о пути», пронизанного евангельскими мотивами о последних временах.

Ключевые слова: миф о самозванце, миф о мечтателе, миф о переписчике, система сновидений, житие, миф о пути.

Как известно, образ «маленького человека» в русскую литературу ввел А.С. Пушкин. Н.В. Гоголь в петербургских повестях внес свои дополнения в социальный портрет героя: человек этот, беспомощный и беззащитный в большом городе, служит мелким чиновником, «вечным» титулярным советником, без всяких надежд на повышение и улучшение жизни. Именно такого героя унаследовали у Гоголя писатели натуральной школы, молодые реалисты, вышедшие, как точно заметил Достоевский, «из гоголевской шинели». Однако лишь немногие из них смогли понять, что автор не просто описывает жизнь столичного города и человека в нем, – он их мифологизирует.

Петербург у Гоголя выступает не только как объект, но и как субъект исследования, довлеющий на ум и психику «маленького человека» и сводящий его сущностную реальность к нулю. Типичное для героев стремление противостоять фантазмагоричности петербургской действительности представлено их мифологизацией по образу жизни (миф о самозванце, миф о мечтателе) либо по роду занятий (миф о переписчике). В своей книге «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев, размышляя о несомненной тождественности личности с мифом, пишет: «Миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности... Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия» [6, 74]. И герои, и ситуации (психологические, бытовые) в их жизни у Гоголя настолько исторически конкретизированы, что приобретают характер универсально-обобщающих праобразов, мифологических по своей сущности. Таким образом, мифичны его герои, которые в стремлении противостоять давлению фантазмагорической петербургской действительности образуют определенные подгруппы творимого Гоголем петербургского текста – миф о самозванце, миф о мечтателе и миф о переписчике, пересекающиеся с более крупным его созданием – мифом о Петербурге.

Генеалогия гоголевских самозванцев начинается с калейдоскопа лиц на Невском проспекте, где каждый стремится обмануть другого, выдавая желаемое за действительное, затем она конкретизируется в специфике жизни столичных чиновников: коллежского асессора Ковалева, коллежского регистратора Хлестакова и титулярного советника Поприщина. В. Короленко, исследуя сущность самозванства, находил в нем отражение национальной болезни, которая происходит от того, что душа человека «начинает раскачиваться, как маятник, между двумя исконными полюсами русской жизни, произволом, с одной стороны, бесправием, с другой» [5, 358 – 359]. Платон Ковалев, герой повести «Нос», с самого начала выступает как самозванец: он получил чин коллежского асессора не за сданные экзамены на ученый аттестат, а за службу в отдаленной Кавказской области, где желаемый чин присваивался сразу же по прибытии. Однако этого ему мало: он самовольно называет себя майором, не числясь по военной службе. В «Табели о рангах» чин коллежского асессора приравнивался к майорскому лишь формально, фактически же он был двумя рангами ниже, а закон и вовсе запрещал гражданским чиновникам именоваться военными чинами. Самозванство оказывается защитной реакцией героя в петербургской действительности, позволяющей ему создать вокруг себя призрачный мир мнимого довольства и благополучия. Самодовольство, «задиранье носа» героя наказано комически: от него нос и сбежал и, продолжая линию самозванства своего хозяина, взлетел на три ранга выше, став статским советником.

Расщепление сознания, появление двойника, воплотившего все честолюбивые замыслы и устремления хозяина, оставляет последнего при полном поражении. Как считает Т. Линдстрем, в повести представлена «картина испытываемого человеком подсознательного страха перед распадом собственной личности, его боязни потерять вследствие этого свое социальное лицо, положение, карьеру. Нос майора Ковалева в такой интерпретации становится символом его мужского «я» [10, 112]. В таком случае уместно вспомнить об одной детали: в газетной экспедиции чиновник предлагает Ковалеву табакерку, на крышке которой был изображен портрет какой-то дамы в шляпке, что окончательно возмутило героя: ведь из-за потери носа не только табак, но и дама как воплощение мечты о выгодной женитьбе, теперь ему недоступны.

Разоблаченный полицией самозванец-нос возвращается на свое место, а Ковалев, наконец, успокаивается и, движимый неистребимым порывом к самозванству, покупает в Гостином дворе ленточку для ордена, не являясь кавалером какой-либо награды.

Гоголь рассматривает проблему отношения власти в лице полицейско-чиновничьего аппарата к самозванству в двух аспектах: или она не дает ему развернуться («Нос»), или же сама начинает активно потворствовать стремлению к самозванству, что проявилось в ситуации «Ревизора». Герой комедии Хлестаков выступает вначале самозванцем поневоле. Его,

незначительного чиновника последнего класса, не сумевшего сделать карьеру в Петербурге, волею случая принимают в уездном городе за важного ревизора. Пустота и легкомысленность помогают ему не только усвоить предложенную роль, одолев «в воображении за несколько минут всю лестницу чинов – от коллежского регистратора до фельдмаршала» [7, 302], но и возместить моральный ущерб за время безвестного существования в Петербурге. Хлестаков постоянно раздваивается между действительным и желаемым. В первом измерении – он ничтожный «чиновник для письма, эдакая крыса», живущий на верхнем этаже доходного дома и имеющий возможность лишь изредка пользоваться столичными благами, и то только благодаря денежной поддержке отца. Во втором же – его прельщает богатая светская жизнь, известная лишь понаслышке, однако вдохновляющая его в знаменитой сцене вранья. Как справедливо замечает Ю.М. Лотман, «вранье потому и опьяняет Хлестакова, что в вымышленном мире он может перестать быть самим собой, отделаться от себя, стать другим, поменять первое и третье лицо местами, потому что сам-то он глубоко убежден в том, что подлинно интересен может быть только «он», а не «я» [7, 303]. Хлестаков предстает подобно сказочному ложному герою, который лишь на короткий срок появляется на жизненном пиру и пользуется незаконной славой. Таковы два дня хлестаковского самозванства, которые неожиданно предоставили ему возможность самоутвердиться.

Однако если у Хлестакова стремление «отделаться от себя», от своего ничтожного существования проявляется после обильного обеда с губернской мадерой и заканчивается вполне благополучно для него, то для другого гоголевского героя подобная попытка заканчивается трагически («Записки сумасшедшего»).

Обращаясь к мифологизации своего героя-самозванца, писатель исследует его взаимоотношения с петербургской действительностью, выявляет психологические задатки и черты характера, свойственные самозванству, чтобы представить потом три возможных варианта финала: самый благоприятный, когда герой не подвергается разоблачению, а, насладившись неожиданным триумфом, исчезает, в данном случае ему удается хоть на короткое время инсценировать свой миф «я – это не я, а кто-то другой, важный»; в другом варианте герой получает как бы предупреждение за свои непомерно высокие претензии, причем Гоголь облекает происшедшее в фантастику, ушедшую в быт, в вещи, в поведение людей и в их способ мыслить и говорить: появившийся двойник-нос героя лишает его не только честолюбивых надежд на карьеру и фортуна, но и делает его существование настоящей трагедией, однако ровно через тринадцать дней все возвращается на свои места; и, наконец, самый трагический вариант, когда сознание героя расщепляется (признак городской болезни), и он, окончательно поверив в свой придуманный статус, навсегда уходит в свой мифологический мир, что ведет к необратимым явлениям и – к гибели.

Гоголь мифологизирует и другой способ защиты от окружающей действительности – уход в мечтательство. С самого начала своего повествования он оговаривается, что его герой, «художник петербургский», принадлежит к тому классу, который составляет... довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру» [1, 9]. Как замечает И.В. Карташова, в «лице Пискарева Гоголь создает, по существу, первый в русской литературе образ мечтателя и сосредоточивается на психологическом раскрытии его столкновения с действительностью» [4, 51]. Кардинальный романтический конфликт, который сделал жизнь Пискарева ужасной, писатель низводит на реальную почву петербургской действительности, чем и обусловлено прежде всего превращение романтического героя в реалистический характер.

Встретившись на Невском проспекте с прекрасной незнакомкой и поразившись ее истинной жизни, Пискарев уходит в мир фантастических грез, навеваемых опиумом, сосредоточившись на своей идеальной моноиде: «Наконец сновидения сделались его жизнью, и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне». Однако создавая созданное лжебытие, в котором он и предмет свой представлял чище и возвышеннее, герой тем самым начинает оправдывать существующее зло. Гоголь недаром подчеркивает качества своего героя: простодушие и детскую наивность, находя в том и беду, и вину взрослого человека, не умеющего различать высокое и низменное, заблуждение и порок. В конечном итоге Пискарева обманули и Невский проспект, и улыбка красавицы при свете вечерних фонарей, и его фантастический мир сновидений, при выходе из которого он сталкивается с жестокой реальностью и погибает.

В гоголевском мифе о мечтателе, как нам представляется, существует еще один аспект, достойный внимательного изучения. Это сновидения, своего рода иллюзионизм, усиливающий энергию самообмана, однако позволяющий герою хоть в таком состоянии избавиться от довлеющей жестокой реальности, стать неуязвимым и даже счастливым. Именно сновидения дают возможность романтическому воображению Пискарева осуществлять свои желания. З.Фрейд, исследуя состояние сознательной (днем) и бессознательной (ночью) психической деятельности человека, приходит к заключению, что «это желание может пробудиться днем и вследствие внешних обстоятельств не найти себе удовлетворения, в этом случае ночью проявляется признанное и неосуществленное желание». Пискарев, отправившись вслед за покорившей его красавицей, стремился узнать «ту святыню, где опустилось гостить это божество» [8, 289], но никак не ожидал, что дорога к святыне приведет в публичный дом. Желание служить красоте было подавлено вечером, а реализация его началась в ту же ночь. Собственно, тогда и составил потрясенный Пискарев «программу» своих сновидений, осуществление которой шло в порядке его размышлений

о случившемся: «Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, все богатство страстного супруга; она была бы прекрасной тихой звездой в незаметном семейном кругу... Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников...» [1, 14]. Непреодолимое желание вводит его посредством опиума в иной мир, непреходящий и невещественный. Герой вступает в мифологическую субстанцию, в которой размыты границы между сном и реальностью, берег жизни действительной отодвигается далеко на задний план, уступив место фантазии, обслуживающей «я» героя как один из механизмов психологической защиты от действительности. Выход же из этой субстанции приводит героя к поражению мечты, которое он не в силах пережить.

Гоголь рассматривает один из вариантов ухода от городской суеты, когда единственно доступная герою форма деятельности – переписывание – является способом проявления его личности. В данном случае речь идет о созданном писателем мифе о переписчике, который своей генеалогией исходит из западноевропейской литературы, в русской же он не имеет аналогов. У гоголевского Башмачкина был только один предшественник – студент Ансельм из повести Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок», которому помимо стремления уйти в фантастический мир мечты была свойственна любовь к переписыванию архивных рукописей, написанных каллиграфическим почерком.

Таков и Акакий Акакиевич, которому в переписывании «видался какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [2, 114]. Бессмысленное переписывание букв, в котором заключался, как ни парадоксально звучит, весь смысл жизни Башмачкина, восходит, вероятнее всего, к евангельскому изречению апостола Павла, предупреждающего об опасности служения мертвым буквам: «потому что буква убивает, а дух животворит» [II Кор., 3:6]. Любовь к переписыванию обнаруживает у Акакия Акакиевича такие качества характера, как кротость, смирение, отрешенность и пренебрежение к насущным благам окружающего мира, восходящие, условно говоря, «к архетипу писца, глубоко укорененному в мировой культуре» [9, 139]. Образ жизни гоголевского героя, искушение и испытание его, смерть и последующие за нею посмертные чудеса позволяли исследователям сопоставлять Акакия Акакиевича с героями житийной литературы. А день рождения Башмачкина – 23 марта – соотносится, по мнению О.Г. Дилакторской, «с днем государственного признания труда Димитрия Ростовского (23 марта 1701 года), литературно обработавшего житие святого Акакия и другие житийные рассказы», признанного тем самым «их своеобразным создателем» [3, 202 – 203].

Как нам представляется, гоголевский миф о переписчике может выступать не только в качестве жития, но и одним из вариантов «мифа о пути» (Д.Е.Максимов), в котором можно выделить следующие эпизоды:

1. Исконное блаженство первобытия. В этом состоянии гоголевский герой, совершенно отрешившись от окружающей жизни и полностью ушедший в переписывание, пребывает до тех пор, пока петербургский холод не поставит его перед фактом прохуdivшегося «гардероба».

2. Утрата «рая» и нисхождение в жестокий мир материальной действительности наступают после приговора Петровича, вынесенного старой шинели. Новые заботы о средствах на пошив шинели и связанные с ними вынужденные ограничения окончательно выбивают Башмачкина из привычного состояния, он поддается искушению шинелью «на толстой вате, на крепкой подкладке без износу» как «какой-то приятной подруги жизни» [2, 123]. Изменяется и характер героя, правда, «самые дерзкие и отважные мысли» его не шли дальше стремления положить куницу на воротник; увлекшись подобными размышлениями, он чуть было даже не сделал ошибки при переписывании. Как видим, ужас Башмачкина при первом визите к Петровичу постепенно заменяется деятельностью и приятными размышлениями о будущей шинели, которая, наконец, была сшита.

3. Обретение «новой жизни», соединяющей ценности духовного бытия с магистральной воплощенностью земного наступает в тот момент, когда счастливый Башмачкин надел новую шинель. По мнению А.Хипписли, исследовавшего библейскую и евангельскую семантику одежды в данной повести, можно проследить аналогию между переодеванием Акакия Акакиевича и духовным воскресением [11, 124 – 125]. Более того, новая шинель уравнила его с сослуживцами, один из которых, помощник столоначальника, пригласил его вместе с другими на именинный вечер. Однако обретение «новой жизни» оказалось недолговечным: самый счастливый день в жизни Башмачкина заканчивается трагически.

4. Катастрофа с необратимыми последствиями и возможным фантастическим исходом. Итак, у мелкого чиновника украли шинель, и он, впервые оставив службу, пытается восстановить справедливость, но был распечен значительным лицом, заболел и умер. Однако Гоголь не случайно дописывает фантастический финал этой истории: сама петербургская действительность и существование в ней человека представляются фантастическими, здесь нарушаются коммуникационные отношения между людьми (Акакий Акакиевич – сослуживцы, частный пристав, значительное лицо), что наводит на сопоставление с евангельским изречением: «они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; ...ибо огрубело сердце людей сих...» [Матф., 13:13, 15]. Христианская этика, проповедующая идеи братства и сострадания, была материализована в повести «Шинель» в конкретно-бытовые образы, на что обратили внимание в своих работах Р. Кайль, В.Е. Ветловская и М.Вайскопф. Представленный писателем урбанизированный мир отчужденной личности и ее предметное окружение потрясает своей

незащищенностью, каждый умирает в одиночку, в большом густонаселенном городе, посреди молчаливого равнодушия. И тогда неожиданно читателю открывается истина: город-левиафан при столкновении с вышедшим из своего мономира маленьким человеком уничтожает последнего, сводя сущностную реальность человеческого образа к нулю: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда не было» [2, 135].

Гоголь изображает столичный город как «силовое поле», в котором установлен порядок одновременности экстраординарных событий, вызванными случайными стечениями обстоятельств и зависящих лишь от того, в какой момент «маленький человек» займет на нем свое место. Мотивы обманчивости окружающей действительности и невозможности ее постижения, болезненного раздвоения героя в городском пространстве, стремления уединиться в своем замкнутом мире либо взять реванш у этого города обрели в произведениях писателя мифологический подтекст. Восходя к сказочным или агиографическим сюжетам, мифы о переписчике, мечтателе и о самозванце являются существенными компонентами гоголевского петербургского текста.

Список использованных источников:

1. Гоголь Н.В. Невский проспект / Н.В.Гоголь // Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. – Л.: Худож.лит., 1983. – С. 3-35.
2. Гоголь Н.В. Шинель/ Н.В.Гоголь // Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. – Л.: Худож.лит., 1983. – С. 111-140.
3. Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя/ О.Г.Дилакторская. – Владивосток: Изд-во Дальневосточн.ун-та, 1986. – 208 с.
4. Карташова И.В. Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (Тема мечтателя) / И.В.Карташова // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. – К.: Вища школа, 1983. – С. 49-56.
5. Короленко В.Г. Современная самозванщина. Бытовые очерки / В.Г.Короленко// Полн.собр.соч.: В 14 т. – СПб. : Изд-во А.Ф. Маркс, 1914. – Т. 3. – С. 271 – 368.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21 – 185.
7. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь/ Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
8. Фрейд З. Толкование сновидений/ З. Фрейд. – К.: Здоровья, 1991. – 384 с.
9. Эпштейн М.Н. О значении детали в структуре образа («Переписчики» у Гоголя и Достоевского)/ М.Н. Эпштейн // Вопросы литературы. – 984. – № 12. – С. 134 – 145.
10. Lindstrom T.S. NikolayGogol / T.S. Lindstrom. – N.Y., 1974. – 216 p.
11. Hippisley A. Gogol's "The Overcoat": a Furter Interpretation / A. Hippisley // Slavic and East European Review, 1976. - № 20. – P. 116 – 138.

УДК 821.161 (Гоголь)

МоскаликГ.Ф.

СВІТОГЛЯДНО-ФІЛОСОФСЬКІ ЗАСАДИ ЖИТТЄВОГО ШЛЯХУ І ТВОРЧОСТІ МИКОЛИ ГОГОЛЯ